

М. А. Булгаков. СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ

Крутецкая В. А. Русская литература в таблицах и схемах. 9-11 классы. — СПб., 2010

История создания

Написана в 1925 году и запрещена цензурой как “недопустимая вещь”. Было высказано мнение: “Это острый памфлет на современность, печатать ни в коем случае нельзя”. У Булгакова был произведён обыск и конфискована рукопись. Впервые повесть была опубликована лишь в 1987 году.

Фантастическая фабула

Профессор Филипп Филиппович Преображенский и его ассистент доктор Иван Арнольдович Борменталь, практикующие омоложение организма методом пересадки половых желёз, проводят научный эксперимент. Они пересаживают бездомной дворняге Шарiku нижний придаток головного мозга (гипофиз) убитого в пьяной драке алкоголика и рецидивиста Климa Чугункина. Происходит очеловечивание собаки. Попытка развить это лабораторное существо в личность оказывается более чем неудачной. Шариков ведёт себя по-хамски: пьянствует, крадёт деньги, пристаёт к женщинам. В довершение ко всему он пишет донос на Преображенского, обвиняя его в “контрреволюции”. Терпению профессора приходит конец, и вместе с Борменталем он проводит обратную операцию: Шариков-Чугункин вновь стал собакой Шариком.

Реалии 1920-х годов, отразившиеся в повести

Научно-популярная литература того времени была полна статьями об омоложении человеческого организма и скорой победе врачей над старостью и смертью. Подлинна московская типография: в “калабуховском доме” жил дядя Булгакова, профессор Н. М. Покровский (скорее всего, он был прототипом Преображенского) — яркий представитель старомодной русской интеллигенции. Булгаков описывает характерные приметы времени: “фильдеперсовыe чулочки”, норма жилплощади (16 аршин), соседство “граждан, товарищей” и “господ”, шикарных ресторанов и “столовой нормального питания служащих Центрального Совета Народного Хозяйства”, где варят щи из протухшей солонины.

Социальный смысл

Профессорский эксперимент сравнивается с экспериментом большевиков, которые хотели искусственно и в кратчайший срок воспитать “нового человека”. Это “воспитание” закончилось усвоением швондерами и шариковыми революционной фразеологии, принципа “всё отнять и поделить”. Большевики обещали: “Кто был ничем, тот станет всем”, но опыт Преображенского показал, что Клим Чугункин, даже

будучи возрождённым в теле Шарика, так и остался алкоголиком с двумя судимостями. И профессорский, и большевистский эксперимент — насилие над природой, потому что оба обречены на неудачу. Но Преображенский осознал бессмысленность своего эксперимента и прекратил его, а большевики нет.

Быкова Н. Г. Литература. Справочник школьника / Н. Г. Быкова, В. Я. Линков. - М. Филологическое общество "Слово", 1995

Повесть “Собачье сердце”, написанную в 1925 году, М. А. Булгаков так и не увидел напечатанной. В ней речь шла о непредсказуемых последствиях научных открытий, о том, что эксперимент, забегающий вперёд и имеющий дело с неадекватными человеческим сознанием, опасен.

На первом плане в повести эксперимент гениального ученого-медика Преображенского со всеми неожиданными для самого профессора и его ассистента Борменталья трагическими результатами. Пересадив в чисто научных целях собаке человеческие семенные железы и гипофиз мозга, Преображенский, к изумлению своему, получает из собаки человека. Бездомный Шарик, вечно голодный, всеми, кому не лень, обижаемый, в считанные дни превращается в человека. И уже по своей инициативе получает человеческое имя Полиграф Полиграфович Шариков. Повадки остаются у него собачьи, и профессору приходится заниматься его воспитанием. Эксперимент медико-биологический переходит в эксперимент нравственно-психологический.

Филипп Филиппович Преображенский не только выдающийся специалист в своей области. Он человек высокой культуры и независимого ума и весьма критически воспринимает всё то, что творится вокруг с марта 1917 года.

“Почему, когда началась вся эта история, все стали ходить в грязных калошах и валенках по мраморной лестнице? Почему убрали ковёр с парадной лестницы?.. На какого чёрта убрали цветы с площадок?”

“Разруха”, — возражает ему Борменталь.

“Нет, — парирует профессор. — Что такое Ваша разруха?.. Это вот что: если я вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнётся

разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах. Значит, когда эти баритоны кричат “бей разруху!”, — я смеюсь... Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку! И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займётся чисткой сараев — прямым своим делом, — разруха исчезнет сама собой”.

Во взглядах Филиппа Филипповича немало общего со взглядами самого Булгакова. Он также скептически относится к революционному процессу, который, по его убеждению, и порождает “галлюцинации”, мешающие людям каждому заниматься своим делом. И так же решительно выступает против всякого насилия. Ласка — вот единственный способ, который возможен и необходим в обращении с живыми существами — разумными и неразумными. “Террором ничего поделывать нельзя... Они напрасно думают, что террор им поможет. Нет-с, нет-с, не поможет, какой бы он ни был: белый, красный или даже коричневый. Террор совершенно парализует нервную систему”.

И вот этот консерватор-профессор, категорически отвергающий революционную теорию и практику переустройства мира, вдруг сам оказывается в роли революционера.

Новый строй стремится из старого “человеческого материала” сотворить нового человека. Филипп Филиппович, словно соревнуясь с ним, идёт ещё дальше: он намерен сделать человека, да ещё высокой культуры и нравственности, из собаки. “Лаской, исключительно лаской”. И, разумеется, собственным примером.

Результат известен. Попытки привить Шарикову элементарные культурные навыки встречают со стороны того стойкое и всё возрастающее сопротивление:

“...Всё у нас как на параде... салфетку — туда, галстук — сюда, да “извините”, да “пожалуйста-мерси”, а так, чтобы по-настоящему, это нет. Мучаете сами себя, как при царском режиме”.

С каждым днём Шариков становится всё наглее, агрессивнее и всё опаснее.

Если бы “исходным материалом” для лепки Полиграфа Полиграфовича был один Шарик, быть может, и удался бы профессорский эксперимент. Прижившись в квартире Филиппа Филипповича, Шарик вначале ещё совершает кое-какие хулиганские поступки. Но в конце концов превращается во вполне благовоспитанного домашнего пса.

Удивительная вещь, иронизирует автор, собачий ошейник. Когда на Шарика впервые его надели и вывели погулять на поводке, он “шёл, как арестант, сгорая со стыда”. Но очень скоро сообразил, “что значит в жизни ошейник. Бешеная зависть читалась в

глазах у всех встречных псов... У Мёртвого переулка какой-то долговязый с обрубленным хвостом дворняга облаял его “барской сволочью” и “шестёркой”.

“Ошейник — всё равно что портфель”, — мысленно острит сам Шарик. А перед операцией он уже подводит под своё новое, официально холуйское положение едва ли не философскую базу: “Нет, куда уж, ни на какую волю отсюда не уйдёшь, зачем лгать... Я барский пёс, интеллигентное существо, отведал лучшей жизни. Да и что такое воля? Так, дым, мираж, фикция... Бред этих злостных демократов...”

Но по воле случая человеческие органы достались Шарику от уголовника. “Клим Григорьевич Чугункин, 25 лет, холост. Беспартийный, сочувствующий. Судился 3 раза и оправдан: в первый раз благодаря недостатку улик, второй раз происхождение спасло, в третий раз — условно каторга 15 лет”.

“Сочувствующий”, приговорённый к каторге “условно” — это уже сама действительность вторгается в эксперимент Преображенского.

Вторгается она и по другой линии — в лице председателя домового комитета Швондера. У этого “кадрового” булгаковского персонажа в данном случае особая роль. Он даже статьи в газету пописывает, Энгельса читает. И вообще ведёт борьбы за революционный порядок и социальную справедливость. Жильцы дома должны пользоваться одинаковыми благами. Каким бы ни был гениальным учёным профессор Преображенский, нечего ему заниматься семь комнат. Обедать он может в спальне, делать операции — в смотровой, где режет кроликов. И вообще пора уравнивать его с Шариковым, человеком вполне пролетарского вида.

Самому профессору отбиться от Швондера удаётся. Но отбить Шарикова он оказывается уже не в состоянии. Швондер уже взял над тем шефство и воспитывает его на свой лад. то, что происходит с Шариковым в повести, по мере того как с помощью Швондера он становится, так сказать, сознательным участником революционного процесса, в 1925 году выглядело как злейшая сатира на сам процесс и на его участников.

Через две недели после того, как сошла с него собачья шкура и ходить он стал на двух ногах, этот участник уже располагает документом, удостоверяющим его личность. А документ, по словам Швондера, который знает, что говорит, — “самая важная вещь на свете”. Ещё через неделю-другую Шариков становится служащим. И не рядовым — заведующим подотделом очистки города Москвы от бродячих животных. Между тем натура у него та же, что и была, — собачье-уголовная. Чего стоит одно его сообщение о своей работе “по специальности”: “Вчера котов душили-душили”.

Впрочем, Полиграф Полиграфович котами уже не довольствуется... “Ну ладно, — вдруг злобно сказал он, — попомнишь ты у меня. Завтра я тебе устрою сокращение штатов”. Это — той девушке-машинистке, которая, поверив, что он герой гражданской войны и вообще большой человек, готова с ним расписаться. А профессору — кукиш. А “по адресу опасного Борменталья” — револьвер.

История с Шариковым завершается благополучно: вернув собаку в её исходное состояние, профессор, посвежевший и, как никогда, весёлый, занимается своим прямым делом, “милейший пёс” — своим: лежит на ковре у дивана и предаётся сладостным размышлениям.

Но финал повести Булгаков оставил открытым.

“Собачьим сердцем” завершился цикл сатирических повестей и рассказов Булгакова. Больше он ни тех, ни других не писал.

Т. Б. Анисимова. Шпаргалка по литературе. — Ростов-на-Дону, 2012

Написанная в 1925 году, повесть “Собачье сердце” была опубликована в России лишь в 1987 году. Шестьдесят лет публикация её была запрещена.

Сюжет: опыт по пересадке собаке человеческих органов привёл к неожиданным результатам: собака по облику начала походить на человека, но дальнейшие попытки “очеловечить” её оказались неудачными, опыт вышел из-под контроля и мог обернуться большими неприятностями для создателя нового существа.

Булгаков поставил под сомнение одну из главных официальных идей того времени: “пролетарское происхождение” оценивалось как заслуга, оно послужило основанием для нового раскол общества по социальному признаку.

В Шарикове Булгаков угадал наиболее массовую низовую фигуру, адекватную старому понятию “черни”, которая была необходима сталинской бюрократии для осуществления её власти над всеми без исключения социальными группами, слоями и классами нового государства. Шариковы раскулачивали, доносили, расстреливали без суда. Собственно Шариков — это Клим Чугункин (послуживший донором), от пса Шарика он унаследовал лишь ненависть к кошкам и страх лишиться тёплого места и пищи, страх перед физической силой.

Темы, затронутые в “Собачьем сердце” — ответственность науки, разрушительная сила невежества.

Язык повести афористичен: “разруха не в клозетах, а в головах” и др.

Повесть “Собачье сердце” объединяет в себе три жанрово-художественные формы: фантастику, социальную антиутопию и сатирический памфлет.